

В дикости состоит сохранение мира

«Я хотел бы, чтобы мои соседи были более дикими», — говорит Генри Торо. С потолка центра для посетителей на Национальном морском побережье Пойнт Рейз свисают панели, содержащие известные цитаты о ценности природного мира. Одна из них из Торо, из его эссе «Прогулка» гласит: «В дикой природе состоит сохранение мира». Это, конечно, ошибка. Генри не говорил «дикая природа» (wilderness), он сказал: «дикость» (wildness).

Я верю, что ошибочное прочтение «дикая природа» вместо «дикость» представляет собой одну из причин нашей растущей неспособности сохранить дикую землю. Мы путаемся в вопросе о том, что Торо имел в виду под дикостью, мы не знаем наверняка, как и что сохраняет дикость. Мы также путаемся относительно того, что Торо имел в виду под «миром». Я не верю, что он имел в виду просто нашу планету, даже в модном смысле Гайа. Ближе к концу «Прогулки» он говорит: «Нам должны сказать, что греки называли мир Kosmos, Красота или Порядок, но мы не видим ясно, почему они это сделали, и мы оцениваем это в лучшем случае только как любопытный филологический факт». Наше современное слово — это космос, и наиболее недавние филологические исследования показывают значение гармонического порядка. Поэтому в самом широком смысле мы можем сказать, что «в дикости состоит сохранение мира» у Торо связано с гармоничным порядком космоса. Торо утверждает, что первое сохраняет второе. Проблема состоит в следующем: не ясно, я думаю, никому из нас, как самые дикие акты природы — землетрясения, стихийные пожары, эпидемии, убийства и поедание людей пумами и медведями гризли, наша похоть, открытое море в шторм — сохраняют гармоничный космический порядок.

Я не знаю ни об одном авторе, который непосредственно обращается к этому вопросу. В самом деле, до тех пор, пока Гарри Снайдер не опубликовал «Практику дикого», у нас не было общей дискуссии о том, что означает природа, дикость и дикая природа, и как они связаны. Эта ситуация не должна нас удивлять, потому что большинство людей больше не имеют непосредственного опыта дикой природы, и немногие размышляют о космосе. Я зайду так далеко, что скажу, что во многих городах у людей больше нет концепции дикой природы, основанной на личном опыте. В основном дикое — это что-то плохое, о чем сообщается по телевизору. Как сказал один остряк из Нью-Йорка: «Природа — это нечто, через что я прохожу между моим отелем и моим такси».

«Прогулка», а также «Walden» и два других эссе — «Спротивление гражданскому правительству» (к сожалению чаще всего называемое «Гражданское неповиновение») и «Жизнь без принципа» выражают радикальную сущность трудов жизни Торо, и поскольку он пересматривал «Прогулку» непосредственно перед своей смертью, мы можем предположить, что она точно представляет его идеи.

Наиболее заметный факт в отношении этих работ состоит в том, что Торо буквально игнорирует наши современные заботы о сохранении сред обитания и видов. Он без сомнения включил бы их — он говорит «все хорошие вещи являются дикими и свободными», но он пишет в основном о человеческих существах, их литературе, их мифах, их истории, их работе и досуге и, конечно, их прогулках. Его вопрос, который он взял у Эмерсона, касается человеческой жизни. «Как мне следует жить?» Торо уникален, потому что часть его ответа на этот старый вопрос связан с дикостью. В «Прогулке» он говорит: «Дайте мне как друзей и соседей диких людей, а не прирученных. Дикость дикаря — это не более чем слабый символ внушающей благоговение дикости, с которой встречаются хорошие люди или влюбленные». И послушайте начальные строки эссе: «Я хочу сказать слово о Природе, об абсолютной свободе и дикости в противоположность свободе и культуре просто гражданским, я хочу рассматривать человека как жителя, как неотъемлемую часть Природы, а не как члена общества». Абсолютная свобода. Абсолютная дикость. Человеческие существа являются жителями этой абсолютной свободы и дикости. Это не обычная риторика относительно окружающей среды, и Киттеридж несомненно прав: большинство из нас просто не знает, что имеет в виду Торо.

Что вызывает такое же замешательство это то, что люди, которые провели жизнь в контакте с дикой природой — ловец палтуса, лавирующий по течениям Аляскинского залива, эскимос — охотник на китов, владелец ранчо, проводящий небольшие операции с коровами и телятами, лесоруб со своей бензопилой, часто выступают против заповедания дикой природы. Другими заповедания с другой стороны нередко являются люди из города, которые зависят от уик-эндов и отпусков, проведенных в заповедных областях дикой природы и национальных парках в своем (по необходимости) ограниченном опыте дикой природы. Различие в степени опыта дикой природы, дихотомия друзей и врагов заповедания, и печально известная неспособность двух этих групп вступать в коммуникацию также указывают на глубину нашей путаницы относительно дикой природы. Мы не знаем, что мы имеем в виду, и те, кто имеет наибольший опыт дикого, не соглашаются с тем, чего мы хотим достичь.

Мы также предполагаем, что опыт дикости и дикой природы являются взаимосвязанными, и это правдоподобно (хотя и не принимает во внимание элементы нашей личной жизни, о которых также можно было бы думать как о диких: секс, сны, ярость и т.д.). Однако, поскольку дикая природа представляет собой место, а дикость — качество, мы всегда можем задать вопрос: «Насколько дикой является наша дикая природа?» Мой ответ: не очень, особенно в областях дикой природы, с которой знакомо большинство людей, областях, защищенных Актом об областях дикой природы от 1964 года.

Для этого есть много причин. Некоторые широко признаны, и я вкратце пробежусь по ним, но существует одна причина, которая не является широко признанной, причина, которая является оскорбительной для многих умов, но которая восходит к сути начальных строк Торо, а именно, что человеческие существа больше не принимают своего статуса как «неотъемлемой части» биологической сферы, которая является своевольной, самоопределяющейся, самоупорядочивающейся. Вместо этого мы отделили себя от этой сферы и предприняли все усилия, чтобы контролировать ее в своих собственных интересах. Дикая природа является одним из немногих мест, где мы можем начать исправлять это

отделение; следовательно, несмотря на страсть к дикой природе как бастиону охраны биоразнообразия, я склонен думать, что основная ее важность остается в том, в чем ее видели основатели движения охраны природы: в основании для важного вида человеческого опыта. Без большой области дикой природы я сомневаюсь, что большинство из нас когда-нибудь станет рассматривать себя как неотъемлемую часть природы.

Почему наша дикая природа не является дикой и почему в ней так мало опыта дикой природы? Ну, прежде всего дикая природа, которую посещает большинство людей (за исключением Аляски и Канады) слишком мала в пространстве и во времени. Подобно любому опыту дикое может быть вкусом или наслаждением, а наслаждение предполагает вещество и досуг. И в то же время около одной трети наших законодательно учрежденных областей дикой природы меньше 10000 акров — область длиной приблизительно в четыре мили по каждой стороне. Легкая прогулка. Некоторые области дикой природы, обычно острова, имеют меньше 100 акров, и мне говорили, что Пойнт Рейз имеет сейчас бессмысленные для «зоны дикой природы» измерения в несколько сотен ярдов.

Даже наши крупнейшие области дикой природы малы. Только четыре процента больше чем 500000 акров, область со стороной в 27 миль, и поскольку многие следуют вдоль хребтов горных районов, они настолько удлинены, что сильный пеший турист может пересечь их в один день. Действительно, некоторые соседствуют с другими областями дикой природы и отдаленными землями Бюро менеджмента земли и национальными парками, но по сравнению с Амазонией, Аляской, северо-западными территориями или Гималаями большинство областей дикой природы, учрежденных в соответствии с Актом об областях дикой природы кажутся действительно очень маленькими.

К сожалению, без достаточного пространства и времени опыт дикости в областях дикой природы сокращается или просто не существует. Многие люди согласны с Ольдо Леопольдом в том, что должно требоваться пару недель пешего перехода для пересечения подлинной области дикой природы, что-то, что вероятно сейчас не является возможным в континентальной части Соединенных Штатов. Закон прост: чем дальше вы от дороги и чем дольше вы идете, тем более диким является ваш опыт. Две недели — это минимум, месяц лучше. До тех пор ум остается насыщенным человеческими заботами и слепым к природному миру, тело привязанным ко времени метронома и игнорирующим естественные биологические ритмы. Путешественник в маленькой области дикой природы на пешей прогулке во время уик-энда остается в неизвестности об отличиях между коротким и длительным пребыванием на дикой природе; и все же длительное пребывание является фундаментальным для того, чтобы рассматривать себя как часть биологической природы, потому что порядок природы — это прежде всего ритмический порядок.

Во-вторых, в маленьких областях дикой природы обычно не хватает хищников. Иногда это просто функция их маленького размера, но иногда это функция искусственных границ, созданных в соответствии с экономическими и политическими скорее, чем экологическими критериями. Результат тот же: дикая природа приручается. Хищники, вероятно, являются нашим наиболее доступным опытом дикого. Наткнуться на тропу гризли означает испытать дикое наиболее близким чувственным путем; опыт, который отмечен большими изменениями во внимании, восприятии, языке тела, химии тела и эмоциях. Что означает: вы

чувствуете себя частью биологического порядка, известного как пищевая цепочка, возможно даже частью пищи.

В-третьих, эта прирученность усиливается нашей существующей моделью подходящего для человека использования природы — интенсивной рекреации, которая требует систем троп, мостов, указателей направления и расстояния, лесничих в глубине территории и спасательных операций, что в свою очередь порождает виды деятельности, которые еще сильнее уменьшают дикость — карты, путеводители, услуги проводников, рекламу, книги, фотографии, обучающие фильмы — все это сокращает открытие, сюрприз, неизвестное и часто опасное Другое — те самые качества, которые делают место диким. Каждое из этих сокращений приручает и одомашнивает дикую природу и уменьшает опыт дикого.

В четвертых, интенсивное рекреационное использование влияет на общественную политику, приводя тех, кто обладает властью к установлению искусственных методов контроля, которые приносят пользу для рекреационного использования. Популяции животных управляются контролируемой охотой, стихийные пожары подавляются, хищники переселяются, а с людьми обращаются в манере, лучше всего описываемой словом «надзор». Дикое становится проблемой, которая должна решаться дальнейшим человеческим вмешательством — научными исследованиями, законами штата и федеральными законами, судебными решениями, политическими компромиссами и административными и бюрократическими процедурами. Если это вмешательство началось, оно никогда не заканчивается, оно развивается по спирали во все большее и большее человеческое вторжение, делая дикую природу все более оцениваемой, управляемой, регулируемой и контролируемой. То есть прирученной. Кусочек за кусочком, решение за решением, животное за животным, пожар за пожаром — мы уменьшили дикость нашей дикой природы.

Уменьшившись таким образом, дикая природа становится особой единицей собственности, с которой обращаются как с исторической реликвией или руиной — ценным остатком. Она становится местом отпусков (англ. vacation) (слово, связанное со словами «вакантный», «пустой»). Люди стали чужаками для дикого, чужаками для опыта, который когда-то являлся основой их наиболее священных верований и ценностей. Короче говоря, область дикой природы как реликт приводит к туризму, а туризм в области дикой природы становится первичным способом получения опыта уменьшения дикости.

Дикая природа как реликт всегда превращает места в товарные ценности, потому что туризм в его разнообразных проявлениях представляет собой форму коммерции. Весь туризм является в какой-то степени разрушительным и туризм в области дикой природы — не исключение. Буквально каждый (включая меня) занятый в «бизнесе на Природе» кормится (буквально) от дикой природы как от товара. Мы увлечены своей способностью зарабатывать на жизнь таким обменом, но мы склонны игнорировать практические последствия для сохранения дикой природы и для нас самих. Туризм в дикой природе — это не бесплатный ланч. Его наихудшим последствием является то, что он скрывает то, что должно быть первичным использованием: дикое как проекция самого себя. По сравнению с проживанием в дикой биологической области, где опыт дикости представляет собой часть повседневной жизни, туризм в дикой природе является патетическим. Это имело очень

плохие последствия, и нам необходимо признать их.

Туризм в дикой природе игнорирует, вероятно даже карикатурно изображает тот опыт, который решительно отмечали основатели заповедания дикой природы: Генри Торо, Джон Мюир, Роберт Маршалл, Ольдо Леопольд и Олаус Мурье. Тот вид дикого, опыт которого они получали, стал очень редким — опыт, который подвергается опасности. В результате мы более не понимаем корней своего собственного дела. Прочтение работ этих людей, а затем просмотр номера, скажем «Сьерры», может вызвать потерю ориентации. Основатели имели что-то, чего не хватает нам, что-то, что Торо называл «индейской мудростью». На протяжении большей части своей жизни эти люди жили в природе и изучали ее, прежде чем она стала «областью дикой природы», и их знания шли не из центров для посетителей и путеводителей, но из близкого, непосредственного персонального опыта.

Знания Торо земли, окружающей Конкорд, были такими обширными, что некоторые из детей этого городка верили, что подобно Богу Генри создал все это. Его знание флоры было таким точным, что редкие виды папоротника, которых не видели сотню лет, были недавно заново открыты с помощью перелистывания его заметок и его изучение последовательности лесных деревьев представляет собой конструктивную тему для современной экологии. Мюир провел месяц в одиночестве в дикой Сьерра-Неваде и сделал первоначальный вклад в исследование ледников. Жизни Маршалла, Леопольда и Мурье подобным образом проявляют широкий личный опыт и знания дикой природы и дикого. В значительной степени их жизни были посвящены дикой природе. Без такого посвящения не уверен, что существовали бы прозрения Торо на Катаддине, мистическая идентификация Мюира с деревьями или мышление как гора Леопольда.

Туризм в области дикой природы полностью отличается. Он посвящен удовольствию. Мы охотимся ради удовольствия, ловим рыбу ради удовольствия, занимаемся альпинизмом ради удовольствия, катаемся на лыжах ради удовольствия и ходим в походы ради удовольствия.

Учитывая невежество и высокомерие большинства охотников за удовольствиями, понятно почему те, кто считает, что проиграет в результате увеличения учреждения областей дикой природы — фермеры, владельцы ранчо, лесорубы, коммерческие рыболовы, американские индейцы — часто приходят в ярость. Вместо столкновения потребностей заповедания дикого кажется столкновением работы с рекреацией. При отсутствии более глубокого опыта дикости и доступа к краеведению, мифу, метафоре и ритуалу, необходимых для того, чтобы разделять этот опыт, нет коммуникации, видения, которые могли бы закрыть сегодняшний тупик дебатов о дикой природе. Обе группы эксплуатируют дикое, первая — потребляя ее, а вторая, преобразуя ее в игровую площадку, а затем потребляя ее. Поклонение учреждению областей дикой природы таким образом становится идолопоклонничеством, смешением символа с его сущностью. В любом случае результат один и тот же: разрушение дикого.

С туризмом в дикой природе мы также утрачиваем свое наиболее эффективное оружие для сохранения того немногого, что остается от природного мира: эмоциональную идентификацию. На уровне основополагающих принципов то, что приводит в движение как реформаторскую защиту окружающей среды, так и глубинную экологию — это практическая проблема: как побудить человеческие существа уважать дикую природу и заботиться о ней.

Традиция Торо и Мюира говорит, что лучшим способом сделать это является грубый внутренний контакт с дикой природой. Подлинное проживание в дикой природе приносит идентификацию и обобщенную реакцию, которая распространяет симпатию на весь дикий мир. Без этой идентификации решения являются абстрактными и бессильными, то есть непрактичными. Но потому что так многие из нас одержимы удовольствием в диком, существует большое количество непрактичных, бессильных решений, доминирующих над мышлением в области защиты окружающей среды. У нас есть удовольствие и у нас есть философия, но мы редко серьезно используем дикую природу для исследования, то есть отношения между свободой и космосом.

Одного разума недостаточно для того, чтобы сдвинуть волю. Мы должны повторять себе это каждый день, как мантру. Разум не побудил нас уважать дикую природу и заботиться о ней, и у нас нет оснований верить, что это произойдет в будущем. Философские аргументы, морализаторство, эстетика, политическое законодательство и абстрактные философии неспособны воздействовать на человеческое поведение. Простые концепции и абстракции не подойдут, потому что любовь выходит за пределы концепций и абстракций. И все же проблемой является проблема любви. Как писал Стивен Джей Гоулд: «Мы не можем выиграть эту битву за спасение видов и окружающей среды, не установив также эмоциональной связи между собой и природой, потому что мы не будем сражаться, чтобы спасти то, чего мы не любим». Природоохранное движение вложило много мыслей, времени, усилий и денег в общественную политику и науку и слишком мало в непосредственный персональный опыт и искусство. Нет ничего плохого в общественной политике и науке, но поскольку они не породят любви, они должны оставаться вторичными в деле заповедания.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:20:45

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:21:17